

ПРОЗА:

В. КАМЯНОВ

ЖИВУТ

МОЛОДЫЕ герои прозаика Василия Шукшина — народ чрезвычайно нетерпеливый. И нет у них такой привычки, — если сердце требует поступка, откладывать его «на потом». Захотел, например, Пашка Колокольников нанести ночной визит красивой библиотекарше Насте — и нанес, хотя надежды на успех, в сущности, не было. Схлопотал звонкую пощечину, поостыл и неожиданно для себя переключился на благотворительность — повлек полуодетую Настю к ее мямлежениху: пусай миряться. «Мне с хорошими бабами не везет», — сокрушенно заключает он.

Есть среди героев В. Шукшина и более везучие. Шофер Степан Емельянов (рассказ «Степкина любовь») приметил как-то новую учетчицу из городских и сразу же отцу: «Хочу жениться». Не откладывая дела, пошли сватать учетчицу. Ну, думаем, будет великому конфуз! Нет, обошлось. Горюжанке Эллочке Степкин натиск пришлось по душе.

«О нем думалось?.. Не ясно как-то. Смутно. Хотелось попасть в какой-то большой светлый город... И чтоб сам он — нарядный, веселый — шел рядом с городской девушкой и рассказывал ей что-нибудь, а она бы смеялась. И была бы она вся нежная, беленькая, образованная...» Эти «неясные, смутные» думы одолевали Петра Ивлева, героя последней повести В. Шукшина «Там, вдали». Но хотя думы наплывали смутные, подкалывавшие ими шаги были достаточно энергичны. Однажды на деревенской улице Петр встретил Ольгу Фонакину, недоучившуюся филологичку. Встретил и «сам не понимая, что делает, вернее, понимая, что делает глупо, взял женщину за руку и хотел отвести в сторону». Ситуация, как видим, для В. Шукшина традиционная. И открывается за ней...

С продолжением фразы лучше повременить.

Сила В. Шукшина-повествователя прежде всего в том, что он отлично живописует «неотредактированную» жизнь, свежо и остро видит своего героя, бережно, можно сказать, без «утечки» доносит до читателя атмосферу душевных связей между людьми. Но только при условии, что людские связи не затянута в тугие узлы и допускают мягкое, сдержанно лирическое освещение с ближней точки, без непременно проникновения в глубину и захвата соседних сфер.

Что до шукшинских героев типа Пашки, Петра Ивлева и Степана, то внезапность их сердечных порывов не просвечивает никакими «вопросами». Живут такие парни. Именно такие. Смотрят под ноги и по сторонам: назад, в прошлое, не оглядываются.

Петр Ивлев из повести «Там, вдали» — тоже «такой парень». Или примерно такой. Но на этот раз сегодняшней день героя как-то соотносен с вчерашним.

А вчерашний день Ивлева был не из легких: сиротство, война, авральная работа наравне с взрослыми и давящая тяжесть неутоленных запросов на душе. Необходимость терпеть и ждать исподволь вооружала против терпения и ожидания.

Итак, вначале была война. Потом пришли мечты о той самой «беленькой», «с мягкими руками», которую можно было бы назвать обобщенно, — например, Компенсацией (за годы лишений) или Анти-тезой (к низкой культуре, примитивному развитию «женихов»-мечтателей), но которую герои В. Шукшина называют: «идеал», «хорошая баба». Мы, конечно, и раньше догадывались, что грусть-тоска шукшинских парней по «хорошей бабе» — не просто смешная или вздорная прихоть, что в эту грусть-тоску вместились их смутное недовольство собой, своим «неполным средним», тяга к неосвоенной культуре, которую так соблазнительно получить в виде «приданого» за Эллочкой или Настей. Но сам В. Шукшин не горючился прояснить нашу догадку. Его вообще мало занимал возможный «подтекст» облюбованного и точно схваченного им характера.

И ВОТ характер вышел на люди. Пашка Колокольников был узан и принят. Под облегчающий хохот переполненных кинозалов он укоренялся в сердцах. Разумеется, не как «идеал». Его популярность была чем-то средним успеху симпатичного нескладехи коверного, который так уморительно пародирует серьезные номера. А ведь Пашка и впрямь невольный «пародист». Не трудно, например, заметить, что переимчивого Пашки коснулись психологические стандарты, сложившиеся лет 10—12 назад в молодежной среде крупных городов: апломб и неумеренные претензии, крикливость и бутафорский европеизм, приверженность к жаргону. Коснулись и нашли свое вполне безобидное соответствие в смешном, даже трогательном Пашкином позерстве, в коронных его штучках, вроде «ваша серость меня удивляет», «сделаем некоторый пиромидон» или «поговорим, как желтьмены»... Легкий человек, не любивший осложнять жизнь переживаниями, он и отношение к себе возбуждал легкое.

«...Я в полном недоумении, — признавался В. Шукшин после выхода фильма, — ибо выяснилось, что мы сняли комедию». Костюм, задуманный и скроенный как выходной, оказался карнавальным. И в этом была своя логика. Зритель узнал и принял вполне современный колокольниковский тип, принял и оценил наблюдательность, пластическое мастерство постановщика (а вместе актерское обаяние Л. Куравлева). Что же до авторской «серьезности», то ей с самого начала суждено было

потесниться, давая простор веселью.

Вот каким представляется Пашка сценаристу и постановщику: «Герой нашего фильма не смешон. Это добрый, отзывчивый парень, умный, думающий, но несколько стихийного образа жизни». Но герой, имея на руках столь похвальную аттестацию, не захотел ее предьявлять. Как это нередко случается в искусстве, он «удрал штуку» с художником, окарнававлив отпущенный ему набор добродетелей и одновременно ускользнув от авторского «идейного» контроля. Ускользнувший от контроля Пашка оказывается между тем весьма чутким камертоном, отзывчивым — конечно, избирательно — на психологические веяния дня.

Жажда сегодняшней легкости как реакция на вчерашнюю усталость (порой не твою, а так сказать, унаследованную), стремление обойти стороной трудные нравственные коллизии, тяга к простым, пусть даже не слишком надежным решениям — таковы или примерно таковы внешние отзвуки восприимчивый Пашка.

Правда, нетерпение сердца, склонность одолевать препятствия коротким броском могут вылиться в иную, чем у В. Шукшина, картину. Мы помним, чем обернулся «комплекс нетерпения» в истории классного водителя Виктора Пронякина («Большая руда» Г. Владимова), лихо обходившего на трассе своих как бы огузневших, достигших жизненной стабильности товарищей по бригаде. Но для драматических ситуаций у Пашки, каким он увиден Шукшиным, явно не тот душевный строй да и душевный «кадляр». И, вероятно, это закономерно, что характер Колокольникова «подбирает» ситуации себе «по росту», не способные заметно его ущемить, тем более дискредитировать. В результате — благодарное зрительское «узнавание» и неотяжеленный «проблемностью» комический эффект.

СВОЕЙ полнокровной жизнью, широким диапазоном внешних связей Пашка прежде всего обязан полученному им праву свободно самовыявляться, не портя себе кровь сложностями и при полной гарантии встречного благодушия партнеров. В этом отношении героя повести «Там, вдали» Петру Ивлеву повезло гораздо меньше. Вместо прав у него есть обязанность весьма непростая — встретить и принять на себя чужое нетерпение, чужую тоску по «идеалу»... «Должна быть огромная библиотека с редкими книгами. Должно быть два стола... Ночь... Полумрак, только горят настольные лампы...» Эта не лишенная изысканности картина встает перед мысленным взором Ольги Фонакиной, которую, как мы помним, Петр Ивлев без особых церемоний «взял за руку и хотел отвести в сторону».

Что было бы у Пашки с библиотекаршей Настей, сумеет он растопить ее суровость? Трудно сказать. Что будет дальше у шофера Степки с учетчицей Эллочкой? Неизвестно. Что получилось у Петра с Ольгой? Ничего путного. Выйдя за Петра, Ольга по существу уголила его культурный голод, в то время как сам Петр со своими пятью классами был для нее лишь эпизодом на пути к полумраку с редкими книгами. Судя по всему, В. Шукшин, взглянув за брачную черту давно занимавшей его ситуации («простой парень», а рядом с ним «идеал»), решил разобраться в сложностях, которыми она чревата. Но чтобы разобраться, нужно поднять точку наблюдения, как-то отодвинуться от героев.

Однако герои, имеющие над автором немалую власть, «не пускают». Особенно Ольга. Что до Петра, то он обрел «идеал» и в общем-то угомонился, посолднел. Ольга же продолжает искать свое, настоящее, и своего, настоящего. Вот, кажется, нашла. Ее новый избранник — молодой сельский учитель Юрий. Он так хорошо вписывается в заветный интерьер с двумя столами и лампами! Но у Юриной интеллигентности обнаружилась оборотная сторона — рафинированность, против которой бунтует Ольгина сибирская закваска... «Это... опять не то», — резюмирует героиня. Значит, вновь вместо точки многоточие.

Возникает характерное единоборство: с одной стороны, Ольгина «неуемность», с другой — исследовательский порыв автора. Силы оказываются неравными. Порыв гаснет. В дело вступает пристрастие, давнее пристрастие к «неугомонным». Героине выдвигаются моральные авансы, без обеспечения, так, под честное слово. «...Мы перед ней какие-то... маленькие, — признался себе Петр... — Вот человечина!» Автор с ним не спорит. Да, «человечина», не чета другим. Добавим: в такой же степени «не чета», как и прежние «фавориты» художника.

Помните Пашку Колокольникова в роли свата? Веселый вышел эпизод. Правда, если начнешь вникать в состояние «молодых» — дяди Кондрата и тетки Анисы, — веселье как-то снисает. Стыдобушка великая! Так вот прямо «по заявке» подобрали тебе «спутника жизни». Давай, обговаривай дело, не тяни, время-то на дворе какое? Быстрое... Но все серьезное, необлегченное, что мы додумываем за «молодых», для автора — психологические «обрезки», не идущие в работу. Потому что подлинный герой ленты — милый, дурашливый Пашка. Прочие должны не слишком настаивать на своих правах.

В повести «Там, вдали» действует тот же принцип «фаворитизма». Допустим, так. Ольга в первый раз оставила Петра (ради Юрия она оставит его вторично).

У оставленного Петра появилась невеста Нина. «Простая», «хорошая» — сказано о ней в повести. Но без «бродильного» начала в душе, следовательно, не «фаворитка». Внезапно возвращается Ольга... «Поедем со мной? В деревню...» — «Поедем». «А как же Нина?» — «Любовь-любовь». Да никак, Петра с Ольгой «простая» Нина интересуется даже меньше, чем Пашку Колокольникова подопечные «молодые», не умеющие действовать «в темпе». Нина деликатно исчезает из повести, не доставив и тени беспокойства двум маленьким «суперменам» из племени «неугомонных».

Да, герои повести опять требуют льгот, берут моральные «форы». Только все это им не впрок. Они, конечно, своевольничают, но как-то вполсилы. Без той победительной повадки, что была у Пашки Колокольникова. Слишком уж наглядны здесь авторские приготовления к анализу, слишком прочно стоят опорные веки сюжета. Чтобы противодействовать анализу — на это героев еще хватает, на полнокровную жизнь — нет. И автор в явной растерянности. Ему некуда идти со своими героями да и нечем их всерьез занять, кроме монотонной любовно-соревнования. И тут, видимо, стремясь хоть как-то спасти положение, обычно чуткий, брезгливо сторонящийся банальности В. Шукшин зовет на помощь ремесленный навык. В повести начинает остро припахивать патентованными средствами второсортной беллетристики. На сцену выходит благородный отец Ольги — с укором во взоре, таблеткой нитроглицерина в руке и мелодраматическими восклицаниями, вроде «седин не пожалела», в особенно скучном месте читателю преподносится «дивергент» с гитарой и чувствительным вокалом; дело венчает бодрая патетика чисто голосового происхождения, то есть ровно ничем не обеспеченная. Петр Ивлев, окончательно порвав с мятущейся Ольгой, уходит. «Непривычно, чуть страшновато, но уже думалось о том, как будет ТАМ, ВДАЛИ. Уже шагал он ТУДА, и остановить его было нельзя». Слова «там, вдали» и «туда» набраны крупным шрифтом и указывают на грядущие свершения героя. В какой области — не вполне ясно. Мы привыкли, что Петр — лихой ухажер, муж обольстительной женщины. С другими сферами он как-то не «в створе».

ПРИХОДИТСЯ сожалеть, что исследовательский подход к «неожиданному» герою пока явно не дается В. Шукшину. А ведь нас действительно интересует, что же «там, вдали» у отнюдь не вымышленных шукшинских «нетерпеливцев». И художник, вполне возможно, заглянет в эту «даль». Разумеется, при условии, что любимые герои не будут заслонять ему перспективу.